

Услышав этот смешок, Чи Фэйжань тут же захотел объясниться. Фанаты часто бросаются громкими обещаниями вроде «буду любить тебя всю жизнь», но он сам не привык давать пустых клятв.

Чи Фэйжань посерьёзnel:

— Брат Жун, я совершенно серьёзно!

В его ещё по-юношески мягких чертах проступила совсем не детская решимость.

— Понимаю, сейчас это звучит сомнительно, — продолжил он. — Наверняка тебе твердили подобное сотни раз. Но я не бросаю слов на ветер.

Фанаты — народ ветреный. Сегодня они влюбляются в красивый кадр, а завтра отворачиваются, увидев случайный снимок папарацци без ретуши. Но за время их общения Фэйжань успел понять одну вещь: он никогда не пожалеет о том, что стал поклонником Жун Цзиня.

Жун Цзинь хотел отшутиться — мол, мал ты ещё рассуждать о вечности, — но, встретившись с ним взглядом, осёкся.

У Фэйжана были удивительно тёмные, глубокие глаза. Обычно кроткие и ясные, сейчас они светились упрямством.

— На то, чтобы узнать человека, порой не хватает и целой жизни, — тихо произнёс юноша. — Но того, что я уже знаю о тебе, мне вполне достаточно, чтобы оставаться твоим преданным поклонником.

Фэйжань не был наивен. Он прекрасно понимал, что любой артист зажат в рамки сценического образа. Но он восхищался Жун Цзином в первую очередь как выдающимся актёром, и этого ему хватало с лихвой.

Многие фанаты принимают выдумки пиарщиков или собственные иллюзии за чистую монету, но Чи Фэйжань подходил к этому вопросу куда трезвее. Он разделял образ и реальность: можно ценить человека за талант, мастерство перевоплощения или голос. Реальное мастерство — вещь осязаемая, в отличие от фальшивого лоска, созданного ради рейтингов.

Жун Цзинь внимательно посмотрел на него и тихо спросил:

— А если всё, что ты видишь, — лишь искусная игра?

Чи Фэйжань улыбнулся и, слегка сощурившись, указал пальцем на его поясницу:

— Твоя травма, брат Жун, точно настоящая.

Жун Цзинь промолчал. Он лишь тепло усмехнулся и ласково взъерошил юноше волосы.

Разговор на этом прервался. Завтра Жун Цзиня ждал тяжелейший съёмочный день, так что вскоре в гримёрку заглянул его агент, Чан Хаоцин. Он увёл актёра растирать ушибленную спину целебными мазями и уложил спать пораньше.

На следующий день Жун Цзинь снова часами висел на тросах. Режиссёр Цзинь сорвал голос, распекая каскадёров и мастеров по спецэффектам. Требования у него были жесточайшими, и несчастные техники от страха то и дело путали темп, заваливая дубли один за другим.

Чи Фэйжань наблюдал за этим с замиранием сердца, но ничем не мог помочь. Ему оставалось лишь безупречно отыгрывать свои эмоции на заднем плане, панически боясь совершить малейшую ошибку — ведь каждый запоротый дубль означал, что Жун Цзиню придётся терпеть боль лишние несколько минут.

А новые трюки на лонже оказались ещё сложнее вчерашних. Накануне, пока мышцы были разогреты, ушибленная поясница ныла терпимо. Но за ночь синяки налились свинцовой болью. Снова затягивать на теле жёсткие ремни безопасности в таком состоянии... Фэйжаню становилось не по себе от одной только мысли об этом.

Но Жун Цзинь даже бровью не повёл. Профессиональный дублёр стоял наготове, однако актёр раз за разом отказывался от его услуг и выполнял кульбиты сам. Удивительно, но в каждом дубле он выкладывался на все сто процентов.

За недели работы на съёмочной площадке Фэйжань твёрдо усвоил: хорошему артисту мало одного лишь таланта. Стабильность — вот что ценится превыше всего. Даже если сцена сыграна блестяще, камеру переставляют, меняют ракурсы и снимают новые планы, чтобы у монтажёров потом был выбор. И хотя режиссёр Цзинь старался использовать как можно больше камер одновременно, пересъёмов всё равно хватало. Это требовало от актёров колоссальной выносливости и умения часами держать заданную планку.

Прочувствовав всё это на собственной шкуре, Фэйжань искренне восхищался старшим коллегой. Удерживать фокус и выдавать шедевр за шедевром, преодолевая физическую боль, — это был титанический труд.

Как только прозвучала команда завершить съёмку, Чи Фэйжань рванул к Жун Цзиню быстрее всех.

Тот как раз выпутывался из страховочных ремней. Заметив подбежавшего юношу, актёр с самым невозмутимым лицом беззвучно, одними губами произнёс: «Больно».

Дождавшись, пока разойдутся костюмеры, Фэйжань тихо спросил:

— Брат Жун, помочь дойти? Может, обопрёшься на меня?

Жун Цзинь слабо улыбнулся:

— Ну уж нет. Гордость не позволяет.

И, стараясь держаться прямо, преодолевая ломоту в теле, зашагал к гримёрке сам. Фэйжань шёл рядом, наострив уши и готовый в любую секунду подхватить его, если тот оступится.

Когда в гримёрке Жун Цзинь снял верхнюю часть костюма, Фэйжань невольно вздрогнул от жалости: на поясице мужчины расплылась жуткая багровая гематома.

Но Жун Цзинь, только что жаловавшийся одними губами на боль, теперь сам принялся его успокаивать:

— Да ладно тебе, выглядит страшнее, чем есть на самом деле. Сейчас мазью разотрём, а завтра... — Он осёкся на полуслове, вспомнив, что завтра — последний день съёмок Чи Фэйжана.

Как только юноша отыграет свою финальную сцену, вся съёмочная группа «Рыцарских костей» свернёт лагерь в этих лесах и отправится далеко на запад, в бескрайнюю пустыню.

Сам Фэйжань в суматохе совершенно позабыл об этом. Услышав незавершённую фразу, он удивлённо моргнул:

— Что «завтра»?

Жун Цзинь мягко улыбнулся:

— Завтра покажи всё, на что способен. Выложись на полную.

Только поздно вечером, уже лёжа в постели, Фэйжань осознал смысл этих слов. Завтра его работа над картиной подойдёт к концу.

И вот этот день настал. Юноше предстояло сыграть свою финальную и самую сложную сцену — смерть Чу Бая.

Гримёры постарались на славу: лицо Фэйжана сделали настолько мертвенно-бледным, что, глядя в зеркало, он чувствовал себя персонажем из классического ужастика.

Девушка-гримёр засунула ему в ладонь маленький красный конверт и тепло напутствовала:

— Пусть всё пройдёт благополучно! Фэйжань, удачи!

Это был традиционный конверт «для отвода беды» — актёрам всегда дают такие мелкие деньги, если им предстоит играть покойников или умирающих, чтобы задобрить судьбу. Фэйжаню уже вручили парочку по дороге в гримёрную.

Он с улыбкой поблагодарил девушку. Пока он шёл от палатки к съёмочной площадке, его то и дело останавливали члены съёмочной группы, со смехом всовывая конверты, и он не уставал кивать и благодарить. Чэнь Мэнъян вовремя подсуелся и принёс холщовый мешочек, куда бережно складывал все эти подношения.

И вот Фэйжань оказался перед декорациями. Только сейчас до него дошло, насколько сложной будет задача. Сцена была полностью сольной. Его персонаж, Чу Бай, покинутый названным братом, ушедшим бродить по свету, должен был испустить последний вздох в полном одиночестве.

Сердце юноши затрепетало от волнения. Сможет ли он удержать внимание зрителя в одиночку? Хватит ли у него мастерства?

Однако стоило ему лечь на жёсткую деревянную постель и увидеть преклонившего колени актёра, игравшего старого преданного слугу, как все сомнения растаяли. Нахлынули нужные эмоции.

Грусть неизбежного расставания сжала грудь. Ведь уходил не только его герой — сам Фэйжань прощался с проектом, который стал ему так дорог.

В глазах защипало, но он сдержал слёзы. Нельзя было плакать навзрыд.

Чу Бай безумно жалел, что не может в последний раз увидеть названного брата, но в глубине души радовался этому. Окажись шисюн здесь, вынужденный смотреть, как угасает его жизнь, — и у самого Чу Бая на том свете не было бы покоя.

Последнее прости уже прозвучало, а новой встрече не суждено случиться в этом мире.

Едва слышным шёпотом, похожим на шелест увядающих листьев, Чу Бай спросил:

— Чжун-бо... а загробный мир действительно существует?

Немой старик захлёбывался слезами, готовый упасть без чувств, но из его горла вырывалось лишь надрывное, бессвязное мычание.

Чу Бай слабо, безмятежно улыбнулся:

— Если так... Если так...

Интересно, сколько лет будет шисюну, когда они увидятся вновь? И признает ли он его на мосту Найхэ, ведущем в царство мёртвых?

При этой мысли улыбка умирающего юноши стала чуточку теплее. Даже если сам он запутается, шисюн его обязательно отыщет.

Шисюн постареет, а он навек останется юным. Там, на туманных берегах реки забвения, брат обязательно узнает его с первого взгляда.

Чу Бай тихо прикрыл веки, и его грудь опала с последним, едва уловимым вздохом.

Чи Фэйжань затаил дыхание и замер, изо всех сил стараясь не шевелиться, пока камера фиксировала его посмертный покой. Лёгкие уже начинало жечь от нехватки воздуха, когда из темноты за кадром наконец донёлся зычный голос режиссёра Цзиня:

— Снято! Отличный дубль!

Вокруг мгновенно поднялся восторженный гул. С окончанием этой сцены съёмочная группа получала долгожданный короткий перерыв на отдых.

Чи Фэйжань всё ещё лежал с закрытыми глазами и сквозь праздничный шум медленно, полной грудью вдыхал прохладный воздух. Всё закончилось. Его первая роль сыграна.

Открыв глаза, он увидел склонённое над ним улыбающееся лицо Жун Цзиня:

— Ну что, так и будешь лежать?

На долю секунды реальность и вымысел смешались в голове Фэйжана, и он невольно прошептал:

— Шисюн...

— Я твой брат Жун, — мягко поправил его мужчина.

Фэйжань шумно выдохнул. Ну конечно же, это брат Жун.

Но непролитые слёзы Чу Бая, которые он так упорно сдерживал перед камерой, теперь хлынули из его глаз сами собой. Всё действительно подошло к концу. Чу Бай так и ушёл во тьму, не дождавшись возвращения своего названного брата. Какая разница, сколько сожалений осталось позади, если человек мёртв?..

Грудь юноши сдавило от щемящей тоски, но тут Жун Цзинь бесцеремонно потянул его за нос и весело проворчал:

— Эй, очнись. Это всего лишь кино, кончай грустить.

Из-за зажатого носа Фэйжань смешно засопел, поспешно убрал руку мужчины и смущённо поднялся на ноги.

Режиссёр Цзинь тоже подошёл к постели, держа в руках ещё один пухлый красный конверт. Заметив дорожки слёз на щеках парня, он довольно хохотнул:

— Ого! Молодец, парень! Как глубоко прочувствовал персонажа!

Чи Фэйжаню, чья душа на самом деле принадлежала взрослому двадцатилетнему мужчине, стало безумно стыдно. Разреваться на глазах у всей съёмочной группы — какой позор! Его щёки мгновенно залила краска.

Режиссёр с добродушным смехом всучил ему конверт и похлопал по плечу:

— Давай, приводи себя в порядок. Скоро начнём банкет в честь окончания твоих съёмок!

Праздновать решили прямо здесь, на природе, посреди древнего леса. Разумеется, никакого пафосного застолья не предвиделось: ребята просто стащили в кучу все оставшиеся запасы деликатесов, сухих пайков, лапши быстрого приготовления, газировки и пива.

Режиссёр Цзинь, будучи в преотличном расположении духа, выставил на стол бутылку своего лучшего коллекционного алкоголя. Не рассчитав силы, он захмелел с первых же рюмок и тут же принялся громогласно разглагольствовать:

— Терпеть не могу современные фильмы! Пихают эту любовную линию куда ни попадая! Если нет по сценарию героини, так они её из пальца высосут! Тьфу! Что, без романтических соплей кино уже и снять нельзя? Да с чего вообще баба обязательно должна вешаться на героя? Почему она не может спать и видеть, как бы его прикончить, а? Неужели на свете мало других чувств — семейных уз, настоящей дружбы, братской верности? Вы только посмотрите, какая чистая, возвышенная братская преданность была у Чу Бая и Чу Хэна! До слёз же пробирает!

На этих словах присутствующие переглянулись с весьма странным выражением лиц. Особенно перекосило бедных сценаристов, которые, казалось, переживали глубокий внутренний кризис.

Чи Фэйжань и вовсе едва не поперхнулся кока-колой. Ему с самого начала казалось, что взаимоотношения Чу Бая и Чу Хэна отдают чем-то двусмысленным. Во время работы режиссёр Цзинь требовал от него играть тоньше, глубже, выражать едва уловимые душевные порывы, из-за чего Фэйжань окончательно уверился: режиссёр намеренно заигрывает с темой «броманса» ради привлечения женской аудитории. Но оказывается... режиссёр Цзинь действительно видел в этом исключительно суровую мужскую дружбу? Неужели он настолько наивен и чист душой?..

Сидевший рядом Жун Цзинь заговорщически наклонился к его уху и негромко пояснил:

— Он человек старой закалки. Отстал от современных трендов.

<http://bllate.org/book/18265/1756734>